

НАСТАВНИЦА В РОЛИ УЧЕНИЦЫ
Теоретические исследования Р.Ю.Виппера
координатах науки и идеологии

Мягков Г.П.
Казань

Трудно назвать иное историческое сочинение столь малого объема (37 с), изданное в удалении от столиц (Казань) далеко не массовым тиражом (3000 экз.), когда, казалось, более злободневными были глобальные вопросы власти, хлеба, мира, а не принципов научных изысканий, вокруг которого сразу же развернулся «бой за историю», ставший одним из первых в той идеологической войне, которая велась без малого три четверти века. К тому же - ирония истории - оно, сделав имя автора более упоминаемым в советской историографии, чем все «сто томов» его ученых книг, практически недоступно сколько-нибудь широкому кругу читателей. Речь идет о брошюре «Кризис исторической науки», опубликованной в Казани как 4-ый выпуск 1-го тома «Сборников» созданной в 1921 г. при вузах города Ассоциации для изучения Общественных наук (1).

Автор брошюры - один из виднейших отечественных историков, профессор Московского университета Р.Ю.Виппер (1859-1954). За исследование «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» он был удостоен сразу ученой степени доктора всеобщей истории (1894); высокую оценку получили его труды и учебники по древней истории, по истории средних веков и нового времени. В начале 900-х годов Виппер зарекомендовал себя как историк-философ, близкий к «экономическому материализму». Занятия теорией исторического познания привели ученого к пересмотру методологических принципов и переходу на «эмпириокритические» позиции. К серии его публикаций по вопросам методологии исторической науки принадлежит и изданная в Казани брошюра. В нее автор

включил тексты своих публичных выступлений, в том числе доклада «Верит ли кто-нибудь в теорию прогресса?», читанного 16 ноября 1913г. в кружке историков, и вступительной лекции к курсу «Международная и политическая история новейшего времени», состоявшаяся в Москве 16 ноября 1920г. Текст последней и публикуется ниже.

Помещая под одной «крышей» работы разных лет, историк как бы говорит, что выдвигаемые им идеи и положения логически взаимосвязаны, вызревали и формулировались в течение довольно длительного времени. Он не скрывал и влияния на свои воззрения социально-политических обстоятельств. Собственно, Р.Ю.Виппер - один из первых историков России, кто, поставив и осмыслив проблему природы исторической науки, показал органическую связь между историей и современностью, сдвигами в жизни общества и поворотами в научных интересах историка (2). Решающим фактором, опровергнувшим господствовавшие представления об историческом процессе как о непрерывном прогрессивном развитии, Р.Ю.Виппер считает «всемирную войну 1914г.» (см. третий очерк «Теория прогресса и всемирная война 1914г.», включенный в брошюру) и выросшую из нее войну гражданскую, явившуюся результатом известного в истории соединения «воинственного напряжения с коммунизмом». «Если уже до войны накапливались возражения против теории прогресса, которые подрывали ее с разных сторон, - подчеркивал он, - то мировое столкновение народов опрокинуло последние ее опоры» (3).

Обращаем внимание на отразившийся в очерках процесс развития историософских взглядов ученого потому, что в советской историографии причина пересмотра буржуазной наукой ее теоретических начал традиционно увязывалась с воздействием Октябрьской революции, которая будто бы привела к разочарованию «в средствах, методах и теориях, которые казались незыблемыми», заставила начать поиски «новых» теорий, «новой» методологии, «новых» путей и средств исторического исследования» (4). На деле этот поиск к 1917 г. уже имел значительную историю. Размышляя о своем опыте исследовательской и преподавательской работы, Р.Ю.Виппер выделяет принципиальные вопросы эволюции основ исторического

познания: о «нашей прежней исторической манере», путях ее «перемены», иными словами, пытается нащупать, уловить характер и причины резких перемен в исторической науке, соотнести владевшие умами схемы (того же К.Маркса) с реальным ходом общественного развития. Это как раз тот комплекс проблем, которые тогда волновали всю европейскую историческую мысль.

Да, историческая наука переживала кризис, но какой? Это было проявлением, аспектом, по определению Л.Февра, наступавшего на рубеже XIX-XX вв. «великого кризиса человеческого духа» и ставшего отправной точкой всех новых концепций. «Великая и драматическая теория относительности, потрясая все здание науки», властно диктовала условие - «старые теории необходимо было заменить новыми» (5). Уже девятисотые годы ознаменовались значительным продвижением в области исторической эпистемологии. Усилия того же Р.Ю.Виппера способствовали преодолению позитивистских сенсуалистических и наивнореалистических взглядов на процесс исторического познания. Особо значима, например, разработка им вопроса о роли в познавательном процессе «определенного плана действия», сводимого «в конце концов... на целое мировоззрение», под влиянием которого «происходит создание фактов в нашем уме, их формировка по чертежу, по архитектурным линиям известной системы» (6). В современной науке этот вопрос предстает как проблема внеисточникового знания (7).

Иными словами, Р.Ю.Виппер - один из пионеров движения, нацеленного на замену в историческом познании обветшавших постулатов и научных понятий новыми подходами и концепциями. В различных национальных историографиях и школах по-разному видели направление перестройки, что вытекало из их «стартовых» позиций и состояний. Так, во Франции, где, по определению Л.Февра, «аграрные историки» довольствовались анализом юридических категорий и не могли выпутаться из «паутины» абстрактных представлений, переворот начался с обращения к исследованию земельных и аграрных проблем, с овладения методами сравнительной истории. Книга М.Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (1931) положила начало формированию того направления, которое, по

определению современного исследователя, полнее всего воплотило полидисциплинарный подход к изучению прошлого, совершило «коперникианский переворот» в профессии историка (8). Это - «новая историческая наука» или школа «Анналов». Примечательно, что М.Блок, по свидетельству Л.Февра, выучил несколько языков, в том числе обрел некоторые познания в русском, чтобы «иметь возможность самостоятельно погрузиться в крайне интересную литературу» (9).

Действительно, историки «русской школы» М.М.Ковалевский, Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, П.Г.Виноградов, представители младшего поколения социально-экономического направления Д.М.Петрушевский, А.В.Савин и др. серьезно продвинули изучение экономической и социальной истории, классовой борьбы и революций в странах Западной Европы. Эта ветвь отечественной историографии отмечена изучением всеобщей истории «под знаком социальной истории», стремлением осмыслить «внутренние отношения», т.е. «общественные отношения, строение классов». Все эти определения читатель найдет в публикуемом тексте и неспроста. Р.Ю.Виппер сам принадлежал к этому направлению и хорошо знал его исследовательскую практику. Продвигаясь в решении методологических вопросов, он попытался определить апории и слабые места «социальной истории», выявить, чему он и его коллеги «придавали мало значения». В этой связи он формулирует те исследовательские задачи, которые встали во весь рост в эпоху социальных перемен: изучение как роли личностей, идей, так и значения внешней политики, войн, международных отношений, т.е. не столько «состояний», сколько «событий». Таковы, по определению историка, запросы людей нового поколения, выраставшего «среди катастрофы, среди ломки и крушения, среди событий по преимуществу» (10).

Как восприняли появление брошюры Р.Ю.Виппера современники? Откликнулся небольшой рецензией «Нестор русской науки» Н.И.Кареев. Он решительно заявил: «кризис», о котором говорит автор (Р.Ю.Виппер - Г.М.), произошел скорее в его собственном настроении, нежели в самой исторической науке» (11). Дело в том, разъяснял рецензент, что Р.Ю.Виппер перешел «теперь, после войны» к новой для него тематике,

критикуя *свою* ориентацию на занятия массами, на изучение внутренней, социальной истории в ущерб событийной, исследованию идей и роли личностей. Но в науке, подчеркивал Н.И.Кареев, существовали, взаимодополняя друг друга, эти ориентации. Не принимается им, как слабо аргументированный, и тезис Р.Ю.Виппера об особой ценности теории исторического круговорота, которая противопоставлялась теории прогресса. К сожалению, замысел дать подробный разбор взглядов Р.Ю.Виппера, заявленный в рецензии, в последующем реализован не был.

Гораздо «мощнее» прозвучала другая - марксистская - критика, превратившая, по существу, брошюру в значительное явление классовой борьбы. Против нее и вышедшего в Берлине в 1923г. на русском языке сборника статей Р.Ю.Виппера по проблемам философии истории «Круговорот истории» «огонь» велся из «пушек» самого большого калибра (публикации в журналах «Под Знаменем Марксизма», «Печать и революция») и помельче (в харьковском журнале «Путь просвещения»). Если представитель провинциальной пропаганды еще сбивается с ноги, готовый признать, что книжка Р.Ю.Виппера «заслуживает внимательного к себе отношения, как поднимающая интересные и серьезные вопросы» (12), то ведущие столичные авторы - М.Н.Покровский, Н.А.Кареев, Ц.Фридлянд единодушны в том, что «крупный авторитет», «маститый московский историк» подтвердил идеалистический характер буржуазной историографии (это М.Н.Покровский твердил, по его словам, «лет... побольше двадцати»)(13), что его идеология есть «реакционная идеология» потерявшей «устойчивую почву под ногами в дни революции» интеллигенции (14) (Н.Кареев). Ц.Фридлянд, отражая сложившийся революционный менталитет, неуклонно превращавшийся в идеологический расизм, усмотрел в книге Р.Ю.Виппера «Круговорот истории» отзвук «Заката Европы» О.Шпенглера - «трагедии бессильной, приговоренной к смерти интеллигенции»(15). Можно сказать, что боевой критик-марксист предвосхитил свою судьбу - это его приговорил к смерти режим, что он создавал и защищал.

Авторов рецензий больше интересует раскрытие «общественного смысла и значения» брошюры Р.Ю.Виппера.

М.Н.Покровский «в осязаемом и неопровержимом факте» ее публикации скоропалительно увидел доказательство свободы слова, научного творчества, ассоциаций ученых в РСФСР. Значительную часть рецензий составляли разделы, где авторы разъясняли и пропагандировали политическую линию революционного правительства (Брестский мир как проявление реализма, ответ на требования мира народными массами России, предвидение и вера в поражение германского империализма, НЭП как политика, отвечающая интересам и вековым привычкам масс и т.п.).

Вопросы гносеологии, выдвигаемые Р.Ю.Виппером на первый план, рецензентов практически не интересовали. И верно: зачем их заострять, когда автор - неофит, которому только кажется, что «кризис исторической науки» - «явление новое». М.Н.Покровский относит истоки его к выступлению В.Виндельбанда и Г.Риккерта «на переломе XIX и XX столетий» и отсылает читателя к своей рецензии на книгу Г.Риккерта, опубликованную в 1904 г. (16) и потому - «после боя с немецким Голиафом», с «богатырем» - ему «вступать в бой с рядовыми филистимлянами» кажется излишним (17).

И все же без отклика и разоблачений политического лица московского профессора даже в условиях свободы «без всяких стеснений» обойтись было невозможно. Особое напряжение ситуации задавалось тем, что большевистское руководство опасалось оживления враждебных марксизму течений в обстановке НЭПа и усиливало борьбу против «буржуазной» идеологии. Сфера духовной жизни превращалась в управляемую: утверждался и особый стиль управления - директивный, при котором критика в адрес того или иного общественного деятеля могла иметь серьезные последствия для попавшего под ее «огонь». Особенно когда она исходила из высоких инстанций. Судьба Р.Ю.Виппера тому подтверждение.

Дорабатывая написанную в марте 1922 г. для третьего номера журнала «Под Знаменем Марксизма» статью «О значении воинствующего материализма», В.И.Ленин сделал вставку о «представителях современной научной критики религии» - проф. Р.Ю.Виппере и немецком историке Артуре Дреусе. Вождь пролетарской революции обратил внимание на «книжечку

«Возникновение христианства», изданную Р.Ю.Виппером в 1918 г. Его возмутила «смешная и реакционная претензия» автора «подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической, и материалистической»; позиция Р.Ю.Виппера определялась как «прислужничество господствующей буржуазии» (18). А.Древс был охарактеризован еще резче: «Это - реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками» (19). Кроме критики в адрес «дипломированных лакеев поповщины», было еще указание-разрешение вступать в «союз» с Древсами в той или иной форме...» (20). И как знать, не оно ли в последующем сыграло известную роль в судьбах многих ученых, в том числе в возвращении Р.Ю.Виппера в 1940 г. в Москву? По крайней мере, это положение обосновывало политику «пряника» по отношению к старой дореволюционной профессуре, когда таковая становилась выгодной.

То, что упоминанием имени Виппера Лениным открывалась активная кампания против него, вряд ли вызывает сомнение. Статья-рецензия М.Н.Покровского была опубликована в том же третьем номере журнала сразу же после статьи вождя, и ее можно рассматривать как конкретный ответ на призыв разоблачать «дипломированных лакеев поповщины» и вести систематическую и непримиримую борьбу со всякого рода идеалистическими течениями.

Заданное в 1922 г. отношение к брошюре Р.Ю.Виппера оставалось практически неизменным до начала 90-х годов. Она рассматривалась как *доказательство* кризиса буржуазной исторической науки. Еще бы! Налицо его - кризиса - признание авторитетнейшим ученым. Торжествовала «теория» о признании обвиняемого, как о решающем доказательстве его вины. Академик А.Я.Вышинский мог быть довольным!

Освобождение советской исторической науки от железной хватки тоталитаризма поставило вопрос о реабилитации не только людей, но и книг. Публикация лекции Р.Ю.Виппера «Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи», несомненно, - вклад в это важное дело. Кроме того, есть аспект, который задается ее содержанием: размышления ученого

злободневны в условиях переживаемого современной исторической наукой кризиса, который для советской науки ситуативно более серьезен, нежели во времена Р.Ю.Виппера и Н.И.Кареева. Последний, в определенной степени, прав, критикуя Р.Ю.Виппера за то, что он исходил из оценки развития науки не в ее целом, а того «домена» - социально-экономического направления, к которому сам принадлежал. Но наряду с последним, базировавшимся на материалистически толкуемом позитивизме (речь идет об академической науке; кроме того, складывалось и марксистское направление), возникло и культурно-историческое направление (М.С.Корелин, Л.П.Карсавин, И.М.Гревс, О.А.Добиаш-Рождественская, П.М.Бицилли), исследовавшее идейную жизнь и культуру. Сам Н.И.Кареев, серьезно разрабатывая теорию исторического процесса, определял главной проблемой вопросы о роли личности в истории, формах человеческой активности, индивидуального и коллективного поведения. Он заговорил об исторической психологии и ментальности (21). На возрастающую роль в исторических и социологических исследованиях демографии, психологии, переживавшей «переворот» и превращавшейся в науку с «более объективным» методом для изучения поведения и психики «кружков, толпы, нации и т.д.», указывал М.М.Ковалевский (22). Иными словами, в русской науке 900-х годов в условиях кризиса, но кризиса роста, когда разворачивался процесс поиска методологических и гносеологических принципов и ориентаций, пробивало дорогу рассмотрение исторических явлений и процессов на базе полидисциплинарности (не побоимся этого слова!) в социально-культурном контексте. Все это сопровождалось и серьезной работой в области исторической эпистемологии. Вот что позволяло Н.И.Карееву не соглашаться с диагнозом Р.Ю.Виппера.

Между тем критика Р.Ю.Виппером исторической науки своего времени выразительно «ложится» на современное ее состояние в нашей стране, ибо в послеоктябрьское время были пресечены те многие ростки, которые появились в 900-е годы, и утвердилось достаточно близкое к критикуемому Р.Ю.Виппером понимание исторического процесса как поступательного прогрессивного движения от формации к формации, в обосновании

которого решающую роль играло изучение экономической истории, истории массовых движений, классовой борьбы и революций. Сегодня историческая наука - в известном смысле - поворачивается «в сторону» Виппера, утверждая гносеологический плюрализм, признающий «равноправие» экономического (материального) и духовного (идеального) подходов в формировании научной картины исторического прошлого. Несомненно, что внимание к трудам Р.Ю.Виппера будет возрастать.

* * *

1. Деятельность Ассоциации не изучена. В «никем никогда не разрешавшемся и нигде не зарегистрированном», по словам М.Н.Покровского, обществе (см.: Под Знаменем Марксизма, 1922, N 3, с. 34) Б.А.Чагин и В.И.Клушин усмотрели организацию, которая «сразу же была использована идеалистами и фрейдистами для пропаганды враждебных марксизму идей» (Чагин Б.А., Клушин В.И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975, с. 45). Кроме брошюры Р.Ю.Виппера, первый том «Сборников» составили работы П.И.Кругликова «В поисках живого человека. Очерк 1: Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе» (вып. 1), К.И.Сотонина «Темпераменты» (вып. 2), Н.В.Первушина «Наука социология» (вып. 3).

2. См.: **Виппер Р.Ю.** Новые направления в философии общественных наук // Мир божий, 1903. Глубокий анализ теоретико-методологических воззрений ученого дан в книгах: **Могильницкии Б.Г.** Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. - начала 900-х годов. Томск, 1969; **Сафронов Б.Г.** Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М., 1976; Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX - начала XX вв. Томск, 1978.

3. **Виппер Р.** Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 29.

4. **Городецкий Е.Н.** Ленин основоположник советской исторической науки. М., 1970. С. 338.

5. **Февр Л.** Бои за историю. М., 1991. С. 32, 34.

6. Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии, 1900, кн. III, с. 456. Перепечатано в кн.: **Виппер Р.Ю.** Две интеллигенции. Сб. ст. М., 1912.

7. См.: **Петров Ю.В.** Практика и историческая наука. Томск, 1981. С. 395-398.

8. См.: **Гуревич А.Я.** О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории, 1991, N 2-3. С. 29-31.

9. **Февр Л.** Указ. соч. С. 134.

10. **Виппер Р.Ю.** Кризис исторической науки. С. 14.

11. **Кареев Н.И.** Рец. на кн.: Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921 // Педагогическая мысль, 1922. С. 81.

12. П. Виппер Р., проф. - Кризис исторической науки. Казань, Гос. издательство, 1921 // Путь просвещения. Харьков, 1922. С. 239.

13. **Покровский М.** Проф. Р.Виппер о кризисе исторической науки // Под Знаменем Марксизма, 1922. N 3. С. 34.

14. **Карев Н.** Профессор истории в круговороте жизни. Р.Виппер. Круговорот истории. Изд. «Возрождение». Берлин, 1923 // Под Знаменем Марксизма, 1924. N 1. С. 262.

15. **Фридлянд Ц.** Круговорот профессора истории // Печать и революция, 1923. N 6. С. 9.

16. См.: **Покровский М.Н.** «Идеализм» и «законы истории» (Генрих Риккерт). Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1904 // ж. «Правда», 1904. N 2, 3.

17. Под Знаменем Марксизма, 1922. N 3. С. 34.

18. **Ленин В.И.** О значении воинствующего материализма // Под Знаменем Марксизма, 1922. N 3 С. 8. См. также: **Ленин В.И.** Поли. собр. соч. Т. 45. С. 27.

19. Там же.

20. **Ленин В.И.** Поли. собр. соч. Т.45. С. 28.

21. **Кареев Н.И.** Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 11-18. См. также: **Золотарев В.П.** Историческая концепция Н.И.Кареева. Л., 1988. С. 66-76.

22. См.: **Ковалевский М.М.** Современные социологи. СПб., 1905. С. VII, XI.